

АНАНОВ:

История имени. История жизни. История дела

Илья ТИТОВ

Он мог стать автогонщиком. Мог стать моряком. Мог – физиком. А мог остаться режиссером. Но он стал Ювелиром. Ювелир от Бога, подлинный самородок, Андрей Ананов создал один из самых достойных примеров большого российского бизнеса с человеческим лицом и фамилией владельца.

РОКОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

Любовь к ювелирному искусству вспыхнула у него внезапно. С первого взгляда. Стоило лишь один раз увидеть, как работает приятель-ювелир. Это была роковая встреча. Роковая для Ананова-режиссера. Казалось бы, ничто не предвещало разрыва с театром... Какое-то время он пытался усидеть на двух стульях, но, как известно, долго такое положение сохранять невозможно. «Я не мог сразу отказаться от театра, своей первой любви, хотя в итоге все это было с очень большой кровью от себя оторвано». Ананов стал ювелиром.

ПОДПОЛЬЕ

«До перестройки я сидел, как мышь в подполье. Поначалу ремонтировал украшения друзей моих родителей. А в те времена за подобную деятельность могли попросту посадить. Это называлось «незаконный промысел». Но я даже об этом не знал.

А когда узнал – решил, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях... Ведь совесть моя была чиста. И я сказал себе, что если во всем мире труд ювелира престижен, а в СССР за это сажают в тюрьму, то это не моя проблема. Это проблема советской страны.

• В СВОЕ ВРЕМЯ АНДРЕЙ АНАНОВ СДЕЛАЛ НА ЗАКАЗ НЕСКОЛЬКО УНИКАЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ТУРКМЕНБАШИ САПАРМУРАТА НИЯЗОВА. СДЕЛАННЫЕ ПЕРСТНИ И ЧАСЫ ТАК ПОРАДОВАЛИ ОТЦА ВСЕХ ТУРКМЕН, ЧТО ОН ВОСКЛИКНУЛ: «КОВЕР АНАНОВУ!». СЛОВО ОТЦА ЗАКОН И ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В ПЕТЕРБУРГ ПРИБЫЛ КОВРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР, КОТОРОМУ АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ДАЛ СВОЮ СЕМЕЙНУЮ ФОТОГРАФИЮ. В ИТОГЕ ПОЛУЧИЛСЯ УНИКАЛЬНЫЙ КОВЕР РУЧНОЙ РАБОТЫ, КОТОРЫЙ ДО СИХ ПОР УКРАШАЕТ ЖИЛИЩЕ ЮВЕЛИРА

Имя «Ананов» тогда передавалось из уст в уста. И однажды молва дошла до КГБ.

«В КГБ тех времен работали высокопрофессиональные люди. Работали за идею, а не за... как работают сейчас. Они отличили настоящего

Мастера-художника от спекулянта. Через три дня я был отпущен на свободу. И даже с инструкцией: если ты делаешь что-то из металла заказчика, будь то старое или поломанное украшение – то это еще ничего, но как только ты продашь ему изделие из собственного металла – это статья. 88-я: за незаконные валютные операции давали от 15 лет вплоть до высшей меры. А золото и бриллианты считались валютой. И я долгое время ходил по этой грани. Это был спорт смелых».

Ирония судьбы – в декабре 2007 года в фильме, посвященном 90-летию КГБ, мне предложили сняться в большом эпизоде, в своем салоне, на фоне ювелирных произведений фирмы. За кадром раздался голос диктора: «...но КГБ был не только карательным органом. Вот, например, преступник Ананов. Но ведь мы его не посадили... И он стал великим русским ювелиром».

На этом вечере я был награжден грамотой и серебряным почетным знаком КГБ...

АНШЛАГ

Во времена перестройки Ананов открыл кооператив «Аншлаг». Хотя прав на работу с драгметаллами еще не было. Не было ни у кого, кроме государства. Ананов стал первым человеком в России, который лбом пробил каменную стену, совершив экстремальный поступок. «Я приехал в Комитет по драгметаллам к председателю Евгению Бычкову – а этот пост был на уровне министра – и положил

- ЮВЕЛИРНЫЙ РЫНОК НАВОДНЕН ПОДДЕЛКАМИ. ПОДДЕЛЫВАЮТ ФАБЕРЖЕ, ПОДДЕЛЫВАЮТ АНАНОВА... КАК-ТО В ПАРИЖЕ ХОЗЯЙКА РОСКОШНОГО ОСОБНЯКА С ГОРДОСТЬЮ ПОКАЗАЛА ЮВЕЛИРУ ИЗ ПЕТЕРБУРГА СВОЕ СОКРОВИЩЕ – ПАСХАЛЬНОЕ ЯИЧКО С КЛЕЙМОМ «ВЕЛИКОГО ФАБЕРЖЕ». АНАНОВ ВЗЯЛ ЯЙЦО В РУКИ И РАСТЕРЯЛСЯ... НА ШЕЕ У ЕГО ЖЕНЫ, СИДЕВШЕЙ РЯДОМ, ВИСЕЛО ТОЧНО ТАКОЕ ЖЕ... КАК КЛЕЙМО «КФ» ОКАЗАЛОСЬ НА ИЗДЕЛИИ ЕГО МАСТЕРСКОЙ, ТАК И ОСТАЛОСЬ ТАЙНОЙ...

на стол коллекцию ювелирных изделий из золота, серебра, бриллиантов и эмали, созданных моими руками. Уже с клеймом «Ананов», но еще без

пробы, поскольку пробу ставит Государственная Пробирная инспекция. В этом-то и заключался криминал. Выложил и сказал: «Если вы бюрок-

рат в худшем смысле этого слова, то вызывайте милицию, а если вам дорого ювелирное будущее России, то помогите!» Минут пять он все это рассматривал, краснел, пыхтел, потом театрально снял телефонную трубку и, глядя на меня, стал набирать номер. Но не КГБ, а Пробирной инспекции». В итоге Ананов получил лицензию № 1 в СССР на право работы с драгметаллами.

Когда кооператив трансформировался в малое предприятие, название изменилось.

Он стал называться «Русское ювелирное искусство». Без фамилии. «В то время назвать фирму своим именем – это был бы вызов обществу. Но я хотел, чтобы за той работой,

которую я предлагал людям, стояла моя фамилия. Здесь было несколько факторов: и готовность отвечать за свой продукт, и патриотизм, и, конечно, тщеславие. Так или иначе, но «именное» производство тогда было невозможно».

ЮВЕЛИРНЫЙ РЫНОК НОВОЙ РОССИИ

Действительно, в то время еще сохранялась советская традиция, когда государство само обеспечивало своих граждан всем необходимым, ревниво оберегая их от забот каких-нибудь Анановых. «До перестройки были только «Русские самоцветы», которые производили изделия для кухарок – примитивные, штампо-

ванные, они красовались на каждой второй советской женщине. Одной из задач советской власти было создать новую общность людей под названием «советский человек». Ее и создали: потолки стали низкими, дома одинаковыми, обувь – «Скороход» и у каждого – одинаковое колечко.

С одной стороны, было легко: не было конкуренции, но с другой – не было и воспитанного покупателя, ценящего дорогие вещи, а главное, способного их приобрести. «В начале 90-х в России ювелирный рынок отсутствовал: 1000 долларов были огромной суммой, а мои самые простые изделия стоили именно столько. Я понимал, что на родине клиенты у меня появятся еще не скоро. Поэтому тогда я видел будущее моего бизнеса за границей. К тому же это были времена рэкета и бандитизма, а у меня была молодая красивая жена и две маленькие дочки. В этом и заключается ответ на вопрос, почему моя семья семь с лишним лет жила в Париже, а сам я летал туда-сюда, работая и в России, и во Франции. Там я открыл фирму и магазин. На вырученные деньги покупал золото, которое в России купить было очень сложно. Правдами и неправдами вез его на родину – такая антиконтрабанда: все вывозили, а я ввозил, рискуя постоянно».

«Прошло некоторое время. Россия быстро менялась: появились богатые люди, которые, купив малиновый пиджак и черный БМВ, стали думать о прекрасном. Короче, клиенты появились в достаточном количестве. Но какие клиенты! Дело в том, что я родился и вырос в Петербурге. Мы ходили с Фаберже, которого я считаю своим заочным учителем, по одним улицам и смотрели на одни и те же виньетки и решетки. В этом стиле я и работаю. И если ко мне приходил человек и заказывал мужской перстень в виде золотого кастета, я этого не делал – либо убеждал, что это не изящно, либо отказывался».

ВСТРЕЧА С ФАБЕРЖЕ

Именно в те времена, в 91-м, когда ювелирный рынок России стал развиваться, судьба весьма кстати свела Ананова с Фаберже. «В 1990 году благодаря Людмиле Нарусовой о моем существовании узнал президент фирмы «Фаберже». На тот момент эта

• К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА АНАНОВ ИЗГОТОВИЛ ЯЙЦО «СОЗДАТЕЛЯМ СТОЛИЦЫ РОССИИ». НА ФОНЕ ПРОЗРАЧНОЙ КОБАЛЬТОВОЙ ЭМАЛИ ВЫДЕЛЯЛИСЬ ПОРТРЕТЫ ВЕЛИКИХ ЗОДЧИХ – ВОРОНИХИНА, ЗАХАРОВА, РОССИ И РАСТРЕЛЛИ. БРИЛЛИАНТОВЫЕ РЫБЫ ПОДДЕРЖИВАЛИ ЯЙЦО, ВНУТРИ КОТОРОГО ПОМЕЩАЛСЯ ИЗЯЩНЫЙ СТОЛИК С РОССИЙСКИМИ РЕГАЛИЯМИ – КОРОНОЙ, СКИПЕТРОМ И ДЕРЖАВОЙ. ВЫСОТА ЯЙЦА – 34 СМ

фирма производила только дешевую парфюмерию. Мы познакомились. В итоге фирма предложила контракт, по которому мне предоставлялось право ставить на свои изделия клеймо Фаберже. Но я отказался. На первый взгляд, нонсенс: очевидно, что такой бренд, как Фаберже, – это большие деньги. Мне пришлось объяснить, что я хочу построить свой бизнес под названием «Дом Ананова».

У меня есть свое имя, и я хочу продвигать его, несмотря на все уважение к Карлу Густавовичу Фаберже».

Ананов хотел остаться в памяти людей как великий русский ювелир, а не как некто, делавший Фаберже. «Представители «Фаберже» уехали в полном недоумении, но, поскольку были людьми настойчивыми, через три месяца приехали снова и привезли другой контракт, в котором уже было предложено – впервые в истории ювелирного искусства – создать бренд из двух имен: «Фаберже от Ананова». И этот контракт я уже подписал.

Андрей Георгиевич признается, что тогда он был еще довольно зеленый бизнесмен и всему учился на ходу. Поэтому и просмотрел в этом контракте один пункт, где было написано, что, используя имя Фаберже, он должен был платить 14%, причем от дохода, а не от прибыли. «Став опытнее и умнее, я сам, в свою очередь, решил обвести их вокруг пальца. Я сказал: «Господа, наверное, стоит ограничить стоимость изделий с этой маркой для того, чтобы они лучше продавались, не так ли?» Они с радостью закивали, понимая, что на ста недорогих изделиях можно сделать больше денег, чем на трех дорогих.

● АНАНОВ НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ АЗАРТА, АДРЕНАЛИНА, УСПЕХА. ЕСЛИ ТРУДИТЬСЯ – ТО ВОЙТИ В ИСТОРИЮ РОССИИ, ЕСЛИ ИГРАТЬ НА РУЛЕТКЕ – ТО ПРОСЛАВИТЬСЯ ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОНАКО, ЕСЛИ ЛОВИТЬ РЫБУ – ТО УНИКАЛЬНУЮ...

И в контракте появился еще один пункт: «максимальная цена товара», где значилось, что изделие «Фаберже от Ананова» может стоить максимум 1500 долларов.

В первый год я им ничего не заплатил, во второй перевел 1000 долларов с барского плеча, на третий – снова ничего. Тогда они меня спросили: «А почему?»

И я ответил: «Господа, у меня дешевле 1500 тысяч долларов есть только маленькие пасхальные яички, куда такое длинное клеймо-то и не влезет, а все остальное – дороже». Если честно, мне уже был не нужен этот бренд. За все десять

лет существования салона в гостинице «Европа» никто ни разу не спросил: «А тут стоит клеймо Фаберже?» Приходили ко мне и покупали мои изделия.

Так закончился контракт с Фаберже. На самом деле это сотрудничество было лишь на бумаге. Фактически изделий с этой маркой было выпущено одно или два, но это был шикарный трамплин для Ананова – «учитель» все же помог. «На подписании контракта 7 ноября 1991 года в отеле Риц на Вандомской площади в Париже фирма «Фаберже» закатали огромный банкет, устроила презентацию и выставку моих изделий, потратив за одну ночь 280 000 долларов. Это было грандиозное действо. Для тех, кто не в курсе, Вандомская площадь – это место, где сосредоточены ювелирные магазины самых элитарных марок: Картье, Ван Клиф, Бушерон, Мобусса... Одним словом – ювелирное сердце мира. И когда меня там так представили, это значило, что меня поставили в один ряд с ними. Наутро вышли журналы с огромными статьями и фотографиями. Я проснулся знаменитым».

Знаменит он и по сей день. И в первую очередь благодаря себе и своему таланту. И конечно, качеству изделий от Ананова. «Даже самые солидные марки грешат штамповкой. В лучшем случае изделие не штампуются целиком, а собирается из штампованных частей. Мои же изделия могут изготавливаться не по одному году – потому что вручную. Так сейчас не работает почти никто». Поэтому неудивительно, что марка «Ананов» была и остается вне конкуренции.

Всю жизнь Андрей Ананов трепетно относился к своему имени и к своей работе, не разводя их в разные стороны. Но совместить их не только в душе, но и официально получилось лишь пять лет назад: с тех пор фирма называется ЗАО «А. Ананов». Давняя мечта сбылась. Сбылась и еще одна: теперь и салон, и само производство находятся в специально построенном – по проекту самого Андрея Георгиевича – здании. Салон «Ананов», что на Мичуринской улице, напоминает скорее замок, чем обычное здание. В этом замке и располагается оплот отечественного ювелирного искусства.

